

Али и Нино

Автор:

[Курбан Саид](#)

Али и Нино

Курбан Саид

Азбука-бестселлер

Личность Курбана Саида загадочна, как его книги. Подлинное имя автора, скрывающегося за этим псевдонимом, до сих пор вызывает споры. Не менее темна история романа «Али и Нино»: изданная в 1937 году книга была забыта вплоть до 1970 года, когда, после одновременного издания в Америке и Англии, ее персонажи триумфально вернулись на прилавки книжных магазинов, чтобы стать самыми популярными влюбленными двадцатого века. Сегодня роман переведен на тридцать три языка, по нему ставят пьесы, снимают фильмы, а в Баку его героям установили памятник. Рассказ о любви мусульманина Али и христианки Нино на фоне бурных событий истории не оставит равнодушным ни одного читателя.

Курбан Саид

Али и Нино

Kurban Said

ALI UND NINO

Copyright © 1937 by Leela Ehrenfels

© С. Кязимова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Наш очень разнородный класс, состоявший из сорока учащихся, в жаркий полдень парился на уроке географии в Бакинской русской императорской гимназии: тридцать мусульман, четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский.

До сих пор мы не очень задумывались о необычном географическом положении нашего города. Сейчас же профессор Санин монотонно и без особого воодушевления повествовал о том, что «естественные границы Европы обозначены Северным Ледовитым океаном на севере, Атлантическим – на западе и Средиземным морем – на юге. Восточная граница Европы проходит через Российскую империю по Уральским горам, через Каспийское море и далее – через Закавказье. Некоторые ученые относят южные склоны Кавказских гор к Азии, другие же полагают, что страну следует рассматривать как часть Европы, учитывая культурное развитие Закавказья. Поэтому, дети мои, можно сказать, что отчасти и вы ответственны за то, будет ли наша страна принадлежать к прогрессивной Европе или реакционной Азии».

Профессор самодовольно улыбался. Мы притихли на некоторое время, охваченные глубиной высказываний и грузом ответственности, внезапно свалившимися на наши плечи.

Мухаммед Гейдар, сидевший на задней парте, поднял руку:

– Профессор, мы, пожалуй, останемся в Азии.

Класс разразился смехом. Мухаммед Гейдар отсиживал второй год в третьем классе, и, пока Баку принадлежал к Азии, существовала вероятность, что он останется и на третий год, ибо министерский указ позволял местным жителям

азиатской части России оставаться на второй год, сколько им заблагорассудится.

Профессор Санин, облаченный в шитый золотом мундир преподавателей русской гимназии, нахмурился:

– Значит, Мухаммед Гейдар, вы желаете остаться в Азии? Может, хоть обоснуете свое решение?

Мухаммед Гейдар смущенно встал, но не произнес ни слова. Он стоял с открытым ртом, морща лоб и бессмысленно тараща глаза. И пока четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский наслаждались его тупостью, я поднял руку и произнес:

– Господин профессор, я бы тоже остался в Азии.

– Али-хан Ширваншир! И вы! Ну хорошо, выйдите к доске.

Профессор Санин выпятил нижнюю губу, тихо проклиная судьбу, сославшую его на берег Каспия. Затем он откашлялся и помпезно произнес:

– Можно ознакомиться с вашими доводами?

– Да, мне больше по душе Азия.

– На самом деле? А вы были когда-нибудь в действительно отсталых странах, в Тегеране например?

– Ну да, прошлым летом.

– Отлично. И вы обнаружили там какие-либо приобретения из европейской культуры, например автомобили?

– Да, и довольно приличные, между прочим. Вмещающие тридцать и более людей. Они курсируют не в черте города, а между регионами.

– Так это автобусы, которые используются за неимением железных дорог. Вам лишь бы поспорить. Садитесь, Ширваншир.

Я почувствовал ликование тридцати азиатов по взглядам, которыми они меня одарили. Профессор Санин угрюмо молчал. От него требовалось сделать из нас добропорядочных европейцев. Он вдруг обратился с новым вопросом:

– А был ли кто-нибудь из вас в Берлине, например?

Профессору явно не везло в этот день – сектант Майков поднял руку и сообщил, что был в Берлине в детстве. Он отчетливо помнил затхлый запах жуткого метрополитена, шумную железную дорогу и сэндвич с ветчиной, который ему приготовила мама.

Мы, тридцать мусульман, возмутились. Сеид Мустафа даже попросил разрешения покинуть комнату, почувствовав тошноту при слове «ветчина». На этом наше обсуждение Баку и его географического положения завершилось.

Прозвенел звонок. Профессор Санин с облегчением покинул комнату.

Сорок учеников выбежали на улицу. Началась большая перемена, во время которой можно было предаться трем занятиям: выбежать в школьный двор и затеять драку с учениками соседней школы из-за того, что те носили золотистые кокарды на форменных фуражках, в то время как нам приходилось довольствоваться серебристыми, или начать громко говорить по-азербайджански, поскольку русские его не понимали, и поэтому он был строго запрещен, или быстренько перебежать улицу и проникнуть в женскую гимназию Святой царицы Тамары. Я решил остановиться на последнем. Девочки прогуливались в саду, облаченные в скромные синие форменные платья и белые передники. Кузина Айша помахала мне. Она шла под руку с Нино Кипиани, а Нино Кипиани была самой красивой девочкой в мире. Когда я рассказал девочкам о своей схватке на уроке географии, самая красивая девочка в мире посмотрела на меня с высоты своего величия и заявила:

– Али-хан, ты дурак. Слава богу, что мы в Европе. Если бы мы были в Азии, меня давно бы заставили ходить в чадре, и ты не смог бы видеть меня.

Я сдался. Спорное положение Баку позволяло мне наслаждаться взором самых красивых глаз в мире. Я оставил девочек и уныло прогулял остаток дня. Я смотрел на верблюдов, на море, думал о Европе и Азии, о прекрасных глазах Нино и грустил. Ко мне подошел нищий со скрюченными от болезни руками. Я дал ему денег и, когда он попытался поцеловать мне руку, испугался и вырвал ее. Через десять минут мне показалось, что я оскорбил этого нищего. Я принялся его искать, чтобы исправить свою ошибку, но не нашел и побрел домой с нечистой совестью.

Все это случилось пять лет назад.

За эти годы произошло много событий. Прибыл новый директор гимназии, которому нравилось хватать нас за ворот и трясти, поскольку драть учеников за уши было строго запрещено. Наш религиозный наставник подробно объяснил нам, как милостив был Аллах, позволив нам родиться мусульманами. В класс пришли двое армян и один русский, а два мусульманина ушли от нас: один из-за того, что в шестнадцать лет женился, а второй во время каникул был убит в кровавой родовой драке.

Я, Али-хан Ширваншир, трижды побывал в Дагестане, дважды в Тифлисе, один раз в Кисловодске, один раз в гостях у своего дяди в Иране, и меня чуть не оставили на второй год в гимназии из-за того, что я не мог отличить герундий от герундива. Мой отец отправился за советом в мечеть к мулле, который заявил, что вся эта латынь – полная чушь. В связи с чем отец надел все свои турецкие, иранские, русские ордена и направился к директору гимназии, которому подарил какое-то химическое оборудование, и я перешел в следующий класс. В гимназии был объявлен строгий запрет на ношение учащимися заряженных револьверов, в городе были проведены телефоны, а Нино Кипиани продолжала оставаться самой красивой девочкой в мире.

Теперь все подходило к концу, до выпускных экзаменов оставалась неделя, и я проводил дни дома или просиживал за размышлениями о бесполезности преподавания латыни на берегу Каспия. Я любил свою комнату на втором этаже. Стены были покрыты коврами темных расцветок, привезенными из Бухары, Исфагана и Кошана. Узоры, сотканые в виде садов и озер, лесов и рек, передавали мысли мастерицы – непонятные глазу дилетанта и удивительно красивые для ценителя. В далеких степях женщины собирали растения для этих красок, выжимали длинными гибкими пальцами сок колючих кустарников. Секрет смешивания этих нежнейших красок хранится веками, а мастерица

зачастую творит шедевр десятилетиями. Затем ковер вывешивается на стену, демонстрируя символы и намеки, сцены из охоты, битвы и орнаменты в виде строк Фирдоуси или высказываний Саади...

Из-за обилия паласов и ковров комната кажется темной. Здесь есть низкий диван, две небольшие скамеечки с перламутровой инкрустацией, множество мягких подушечек и среди всего этого – очень мешающие и бесполезные учебники, изданные на Западе: по химии, физике, тригонометрии, – бред, изобретенный варварами, желавшими прослыть цивилизованными. Я закрыл книги и поднялся на плоскую крышу дома. Отсюда я мог лицезреть свой мир, массивную стену городской крепости и руины дворца с арабскими надписями на воротах. По лабиринтам улиц проходили верблюды с такими тонкими лодыжками, что мне хотелось погладить их. Передо мной высилась припавшая к земле Девичья башня, обросшая легендами и путеводителями. За крепостью начиналось море – безликий, темный, непостижимый Каспий, а за ним простиралась пустыня – зубчатые камни и низкая поросль: тихая, безмолвная, непокоренная, – самый красивый в мире пейзаж. Я тихо сидел на крыше дома. Какое мне дело до существования других городов, крыш и пейзажей? Я любил ровное море, плоскую пустыню и старый город, раскинувшийся между ними. Шумная толпа, прибывшая в поисках нефти, находит ее, обогащается и вновь уезжает. Это не истинные жители Баку, они не любят пустыню.

Слуга принес чай. Я пил чай и думал об экзамене. Нет, он не беспокоил меня. Конечно же, я его сдам. Но даже если не сдам, какое это имело значение? Крестьяне в наших поместьях будут говорить, что я не смог покинуть обитель знаний. Да и действительно жаль оставлять школу. Серая форма с серебряными пуговицами, эполетами и кокардой была в самом деле нарядной. Мне будет неуютно в штатском, хотя и не придется носить его долго. Только одно лето, после чего я поеду в Москву поступать в Институт восточных языков имени Лазарева. Я сам пришел к такому решению, потому что в этой области я в тысячи раз превзойду русских. Им придется очень туго в вопросах, которые мне даются сами собой. А форма Лазаревского института – самая лучшая: красный плащ с воротом, шитым золотом, тонкая позолоченная шпага и лайковые перчатки, которые можно будет носить даже в будние дни. Мужчина должен носить форму, иначе русские начнут презирать его. А если русские станут меня презирать, Нино не выйдет за меня замуж. Но я должен жениться на Нино, даже если она христианка. Грузинки – самые красивые женщины в мире. А что, если она откажет мне? В таком случае отважные джигиты перебросят ее через седло моего скакуна, и мы помчимся к иранской границе, в Тегеран. Там она смягчится, что же еще ей останется?

Такой красивой и спокойной казалась жизнь с крыши нашего дома в Баку...

Наш слуга Керим тронул меня за плечо: «Пора». Я поднялся. На горизонте, за островом Наргин, появился пароход. Если верить напечатанному клочку бумаги, доставленному телеграфистом-христианином, на пароходе должен был прибыть мой дядя в сопровождении трех жен и двух евнухов. Нужно было встретить его. Я сбежал по лестнице к стоящему фаэтону, и мы помчались к шумному порту. Дядя был знаменитым человеком. Насреддин-шах милостиво удостоил его почетного звания «Ассад-ад Довле» – «Лев империи», и обращаться к нему разрешалось только так. У него было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и обширные поместья в Мазандаране. Он приехал в Баку из-за болезни самой младшей из жен, Зейнаб. Ей было только восемнадцать лет, и дядя любил ее больше других жен. Однако она была бесплодной, и только от нее дядя ждал наследника. Ни амулеты дервишей из Кербалы, ни волшебные заклинания мудрецов Мешеда, ни опыт пожилых женщин, преуспевших в искусстве любви, не помогли ей. Ее даже свозили в Хамадан. Там, в пустыне, стоит высеченный из красного камня гигантский лев с целебным взглядом, навсегда устремленным на обширную пустыню. Его высекли по приказу древних царей, имена которых уже наполовину забыты. На протяжении многих веков женщины совершали паломничество к статуе льва, припадая губами к его могучему члену в надежде на то, что это принесет им счастье материнства. Бедняжке Зейнаб не помог даже лев.

И вот она едет в Баку, уповая на профессионализм западных докторов. Бедный дядя! Он был вынужден везти с собой и двух других, уже старых и нежеланных жен. Этого требовал обычай: «Ты можешь иметь одну, двух, трех или четырех жен, если будешь относиться к ним одинаково». Одинаковое отношение значило равное распределение благ, к которым причислялась и поездка в Баку.

Однако ко мне все это не имело никакого отношения. Женщины располагались в эндеруне – внутренней части дома. Благовоспитанный мужчина не говорит о них, не расспрашивает о них и не передает им привет. Они являются тенью мужчины, даже если мужчина сам чувствует себя комфортно в тени. Это правильное и мудрое решение. У нас в стране есть поговорка: «У женщины ума – как на яйце перьев». Бессмысленные создания должны жить под присмотром, иначе навлекут бед на себя и других. Я считаю это мудрым правилом.

Маленький пароход причалил к пристани. Волосатые, широкоплечие матросы перекинули трап. Пассажиры заторопились на берег: русские, армяне, евреи так спешили, как будто боялись потерять лишнюю минуту. Дяди не было. Спешка от шайтана, поговаривал он.

Только после того, как высадились все пассажиры, на палубе появился Лев империи. На нем были плащ на шелковой подкладке, небольшая меховая шапочка и башмаки. Его густая борода и ногти были выкрашены хной в знак поклонения имаму Хусейну, который тысячу лет назад проливал кровь во имя истинной веры. Маленькие глаза дяди показались мне уставшими, а движения – замедленными. За ним суетливо следовали три фигуры, укутанные в черную чадру, – жены. Далее шли евнухи: один с лицом как у высушенной мудрой ящерицы, другой – небольшой, обрюзгий и гордый тем, что ему доверено оберегать честь его превосходительства. Дядя медленно спустился. Я обнял его, почтительно поцеловав в левое плечо, хотя, строго говоря, в общественном месте это было излишне. На жен я не взглянул. Мы сели в фаэтон. Жены и евнухи последовали в отдельных закрытых повозках. Картина была столь внушительной, что я велел извозчику повезти нас в объезд по бульвару, чтобы весь город мог восхищаться величию моего дяди.

Нино стояла на бульваре и с улыбкой смотрела на меня. Дядя поглаживал бороду, спрашивал о новостях в городе.

– Ничего особенного, – сказал я, поскольку знал, что нужно начинать с несущественных вопросов и лишь некоторое время спустя переходить на более серьезные. – Дадаш-бек на прошлой неделе насмерть убил Ахунда-заде из-за того, что Ахунд-заде осмелился появиться в городе после похищения жены Дадаш-бека восемь лет назад. Он был заколот в день возвращения. Теперь полиция ищет Дадаш-бека. Но они не найдут его, хотя все знают, что он прячется в поселке Мардакян. Аксакалы говорят, что Дадаш-бек поступил правильно.

Дядя в знак согласия кивал.

– Еще какие новости? Русские обнаружили много нефти на Биби-Эйбате. Знаменитая фирма «Нобель» привезла большую машину из Германии, чтобы засыпать часть моря и бурить там.

Дядя очень удивился.

– Аи, Аллах, Аллах, – произнес он и поджал губы...

– Дома все в порядке, и через неделю, слава богу, я покину обитель знаний.

Я продолжал говорить, а старик внимательно слушал. Лишь когда фаэтон подъехал к нашему дому, я посмотрел в сторону и равнодушно произнес:

– В город приехал знаменитый врач из России. Люди говорят, он действительно сведущ, читает прошлое и настоящее по лицу, может предсказывать будущее.

Дядя ехал с закрытыми в тоскливом величии глазами. Он довольно равнодушно поинтересовался фамилией врача, и я почувствовал, что угодил ему. Ибо все это называлось хорошими манерами и аристократическим воспитанием.

Глава 2

Отец, дядя и я сидели, поджав по-турецки ноги, под навесом на плоской крыше, устланной мягкими, причудливо разрисованными коврами. За нами стояли слуги с фонарями в руках. Перед нами на ковре были разложены восточные яства: медовые лепешки, засахаренные фрукты, шашлыки и рис с курицей и кишмишем. Я, как всегда, восхищался утонченностью отца и дяди. Не двигая левой рукой, они отрывали большие куски черного лаваша, заворачивали его и подносили ко рту. Дядя с исключительным изяществом погружал пальцы правой руки в жирный дымящийся плов, сжимал рис в комочек и отправлял его в рот, не уронив при этом ни единого зернышка. И почему русские так кичатся умением есть с помощью ножа и вилки? Даже самый последний дурак мог бы научиться этому в течение месяца. Я легко управляюсь с ножом и вилкой и знаю, как подобает вести себя за европейским столом. Однако есть многие восточные блюда с отточенным аристократическим изяществом, как отец и дядя, – с помощью указательного, среднего и большого пальца правой руки, не роняя ни единого кусочка даже в ладонь, – мне пока не удастся. Нино называет нашу манеру кушать варварской. В доме Кипиани всегда едят по-европейски, за столом. Мы же едим за столом лишь во время приема русских гостей. Нино

ужасается, представив, как я сижу на полу, орудуя руками. Она забывает, что ее собственный отец впервые взял в руки вилку в двадцать лет.

Трапеза закончилась. Мы ополоснули руки, и дядя произнес молитву. Затем остатки еды унесли и подали крошечные чашки с крепко заваренным черным чаем. Как полагается пожилым людям, после плотной трапезы дядя стал немного болтливым и завел беседу. Отец не особенно участвовал в разговоре, а я, по обычаю, вообще молчал. Как всегда, приехав в Баку, дядя рассказывал о временах правления Насреддин-шаха, когда он сам играл важную, хотя и не очень мне понятную, роль при дворе:

– Тридцать лет я пользовался благосклонностью шахиншаха. Трижды его величество брал меня с собой в поездки за границу. За эти поездки я, как никто другой, познакомился с миром неверных. Мы посетили дворцы королей и кайзеров и встретились с самыми знаменитыми христианами того времени. В странном мире они живут, а самое странное то, как они обращаются со своими женщинами. Женщины, особенно жены кайзеров и королей, разгуливают голышом по дворцу, и никто не возмущается. Возможно, оттого, что христиане – ненастоящие мужчины, а может, и по другой причине, то ведает лишь Аллах. Однако, в противовес этому, неверные возмущаются вполне безобидным вещам. Однажды его величество пригласили на банкет в царском дворце. Царица села рядом с ним. На блюдо его величества положили кусок цыпленка. Следуя этикету, его величество очень элегантно захватил этот лакомый жирный кусок тремя пальцами и положил его на блюдо царицы. Царица так испугалась, что побледнела и принялась покашливать. Позже мы услышали, как многие придворные и князья в царском дворце были шокированы любезностью шаха. Вот как низко ценят европейцы своих женщин! Они демонстрируют их наготу всему миру, не утруждая при этом себя учтивостью. После трапезы французскому послу позволили обнять царицу и кружить ее в зале под звуки ужасной музыки. Сам царь и офицеры его гвардии видели это, однако никто не встал на защиту царской чести. В Берлине мы видели более странные вещи. Нас пригласили в оперу на «Африканку». На сцене стояла и отвратительно пела жирная женщина. Кайзер Вильгельм заметил это и прямо на месте наказал певицу. В последнем акте пришли негры и устроили погребальный костер. Женщине завязали руки и ноги, после чего тело было предано медленному сожжению. Нам очень понравилось. Позже кто-то сказал, что костер носил лишь символический характер. Но мы не поверили этому, потому что женщина орала прямо как еретичка Хюрриет-уль-Айн, которую шах велел сжечь в Тегеране перед нашей поездкой.

Некоторое время дядя сидел тихо, погруженный в мысли и воспоминания. Затем он глубоко вздохнул и продолжил:

– Я лишь одного не могу понять в христианах. У них лучшее оружие, лучшие солдаты и самые лучшие заводы, производящие все необходимое для подавления врагов. Каждый, кто изобрел оружие для поражения людей быстро и в большом количестве, высоко превозносятся, богатеет и получает награды. Очень хорошо. Войны нужны. Но с другой стороны, европейцы строят множество больниц, а люди, вылечившие и давшие кров вражеским солдатам, тоже превозносятся и награждаются. Шах же, мой прославленный господин, всегда недоумевал, отчего люди, совершающие противоположные друг другу поступки, в равной степени награждаются. Однажды в Вене у него по этому поводу состоялась беседа с императором. Но объяснений такому абсурдному поведению все равно не последовало. И при всем этом европейцы презирают нас, потому что нам разрешается иметь по четыре жены, хотя сами зачастую имеют куда больше...

Дядя притих. Стемнело. Его тень казалась тенью старой худой птицы. Он выпрямился, по-старчески откашлялся и вдохновенно произнес:

– Но даже при этом, хотя мы и поступаем, как велит Аллах, а европейцы не выполняют никаких Божьих заповедей, их мощь и сила непрерывно растут, в то время как наши уменьшаются. Кто может сказать, почему так происходит?

У нас не было ответа. Уставший, дядя поднялся и поковылял вниз, в свою комнату. Отец последовал за ним. Слуги унесли посуду. Я остался один на крыше, но мне не хотелось спать.

Город погрузился в темноту, которая походила на зверя в засаде, зверя, приготовившегося к прыжку или игре. На самом деле было два города, один в другом, как ядро в орехе. За старой стеной начинался внешний город с широкими улицами, высокими зданиями, шумными и жадными до денег людьми. Внешний город был построен из-за нефти, добывавшейся из нашей пустыни и приносившей богатство. Там находились театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские и красивые женщины с оголенными плечами. Перестрелки, случавшиеся во внешнем городе, происходили всегда из-за денег.

Географическая граница Европы начиналась во внешнем городе, где жила Нино. За старой стеной улицы были узкие и изогнутые, как восточные кинжалы. Минареты, так не похожие на построенные Нобелем нефтяные вышки,

упирались в спокойную луну. За восточной стеной старого города высилась Девичья башня. Управляющий Баку Мухаммед Юсуф-хан велел ее построить в честь своей дочери, на которой хотел жениться. Этот кровосмесительный брак так и не состоялся. Дочь сбросилась с башни, в то время как обезумевший от любви отец спешил к ней в комнату. Камень, о который разбилась девушка, называется Камнем девственности. Иногда невесты за день до свадьбы возлагают на этот камень цветы.

На протяжении столетий в аллеях нашего города пролилось немало крови. Пролитая кровь сделала нас сильнее и отважнее. Напротив нашего дома стоят ворота Цицианашвили, здесь тоже была пролита благородная кровь, которая стала частью истории моей семьи. Это случилось много лет тому назад, когда наша страна Азербайджан все еще принадлежала Ирану, а Гасанкули-хан правил Баку – ее столицей. Грузин по происхождению и генерал царской армии князь Цицианашвили окружил наш город. Гасанкулихан объявил о капитуляции великому белому царю, открыв ворота и позволив войти князю Цицианашвили. Князь в сопровождении нескольких офицеров въехал верхом в город. На площади за воротами началось празднество. Разжигались костры, жарились целые туши быков. Князь Цицианашвили очень опьянел и уткнулся головой в грудь Гасанкули-хана. Затем мой предок Ибрагим-хан Ширваншир вытащил большой кривой кинжал и передал его Гасанкули-хану, который медленно перерезал князю Цицианашвили горло. Испачканный в крови, он продолжал орудовать кинжалом, пока голова князя не оказалась у него в руках. Голову положили в мешок с солью, и мой предок повез его в Тегеран шахиншаху. Однако царь решил отомстить за убийство. Он послал свою армию в Баку. Гасанкули-хан заперся во дворце, проводя время в молитвах и готовясь к смерти. Когда царские солдаты перелезли через стену, он убежал по подземному ходу к морю и оттуда перебрался в Иран. А перед тем как проникнуть в подземный ход, хан написал на дверях простенькое, но мудрое изречение: «Тревожащийся о завтрашнем дне никогда не станет отважным».

По дороге из школы домой я часто заходил в разрушенный дворец. Зал справедливости с необъятными мавританскими колоннадами был пустым и запущенным. Граждане в поисках справедливости должны обращаться к русскому судье за стеной. Но вряд ли кто обратится к русскому судье, а того, кто осмелится обратиться, аксакалы станут презирать, а дети на улице – дразнить высунутым языком. Не потому, что русские судьи такие плохие или несправедливые. Напротив, они снисходительны и справедливы. Просто их манера раздражает наш народ. Вора сажают в тюрьму, где в чистой камере поят чаем, даже подслащенным. Однако прока от этого никакого, особенно для

обобранных им людей. Жалобщики приходят днем в мечеть и обращаются к расположившимся по кругу мудрецам, выносящим приговор по законам шариата и закону Аллаха: «Око за око, зуб за зуб».

Иногда по ночам по аллеям снуют укутанные в плащ фигуры. Подобно молнии вонзается кинжал, слышится крик, и справедливость восстановлена. Кровная месть переходит из дома в дом. В темную ночь по аллеям иногда проносится мешок. Приглушенный стон, мягкий всплеск моря, и мешок исчезает. На следующий день человек сидит на полу своей комнаты в разорванной одежде с полными слез глазами. Он выполнил волю Аллаха: смерть прелюбодейке.

Старый город полон секретов и тайн, глухих закоулков и маленьких аллей. Я люблю эти мягкие ночные шорохи, освещающую плоские крыши луну и жаркое спокойное послеобеденное время во внутреннем дворе мечети в атмосфере тихой медитации. Аллах позволил мне родиться здесь мусульманином шиитской веры, последователем имама Джафара. И коль Он так милостив ко мне, пусть я умру здесь: на моей улице, в доме, в котором я родился. Мне и Нино – христианке со смеющимися глазами, которая ест при помощи ножа и вилки и носит тонкие шелковые чулки.

Глава 3

На форме выпускников воротник был вышит серебром. Сияло серебро пряжек и пуговиц. Плотная серая ткань была выглажена и все еще хранила тепло. Сняв фуражки, мы тихо стояли в большом школьном зале. Началась торжественная часть экзамена, и мы, сорок человек, из которых только двое были православными, молили Бога ортодоксальной церкви о помощи.

Священник, в тяжелом золоченом праздничном одеянии, с надушенными длинными волосами и большим золотым крестом в руке, начал богослужение. Воздух отяжелел от ладана, учителя и двое православных опустили на колени. Слова священника, произносимые нараспев, казались нам бессодержательными. Как часто на протяжении этих восьми лет мы безучастно и скучающе это слушали: «Да благословит Господь всемилостивейшего, всемогущего, христианнейшего монарха нашего и царя Николая Александровича, всех странствующих по морю или по суше, всех страждущих и мучающихся, всех

геройски павших на полях битвы за Бога, царя и Отечество, всех православных христиан...» Я с тоской смотрел на стену. Там в широкой золотой раме висел портрет всемилостивейшего и всемогущего монарха и царя в натуральную величину, подобно византийской иконе, под большим двуглавым орлом. Лицо царя было вытянуто, волосы светлые, ясный и холодный взгляд устремлен вперед. На груди несметные ордена. Восемь лет я пытался сосчитать их, но всякий раз из-за их обилия сбивался со счета. Раньше рядом с портретом царя висел и портрет царицы, который потом убрали. Сельские мусульмане возмущались ее платьем с большим вырезом и перестали посылать детей в гимназию.

Пока священник молился, мы предавались торжеству момента. В конце концов, это был самый волнующий день. Я с самого утра лез из кожи вон, чтобы провести его подобающе этому важному событию. Прежде всего, я решил стать отзывчивым с домашними. Однако многие из них все еще спали. Затем по дороге в гимназию я давал милостыню всем встречным нищим – для пущей верности. Я был так взволнован, что одному из них вместо пяти копеек всучил целый рубль. Когда он стал изливаться в благодарности, я с достоинством ответил:

– Не меня благодари. Благодарю Аллаха, который моей рукой раздает милостыню.

После такой благой речи я, конечно же, не мог провалиться на экзамене.

Богослужение подошло к концу. Построившись, мы последовали к столу экзаменаторов. Расположившись в ряд за длинным столом, они казались доисторическими чудовищами: черные бороды, хмурые взгляды и нарядные, вышитые золотом униформы. Все выглядело торжественным и пугающим, хотя русские не любят заваливать мусульман на экзамене. Ибо у всех нас есть много друзей, а друзья наши – дюжие ребята с кинжалами и пистолетами. Учителя знают об этом и боятся диких бандитов так же, как учащиеся – преподавателей. Многие профессора считали свое назначение в Баку одним из Божьих наказаний. Не так уж и редко учителя подвергались нападениям и избиениям в темных переулках. Виновных найти не удавалось, а учитель получал назначение в новое место. Вот почему они сквозь пальцы смотрят на наглое списывание математических решений Али-ханом Ширванширом у соседа по парте Метальникова. Лишь только раз, когда я списывал, учитель близко подошел ко мне и отчаянно зашипел: «Не так открыто, Ширваншир, мы не одни!»

Итак, с письменными задачами по математике я справился. Счастливые, уже вдохнув свободы, мы прогуливались вдоль Николаевской улицы. На следующий день предстоял письменный экзамен по русскому. Темы сочинений, как всегда, прибыли в запечатанном конверте из Тифлиса. Директор распечатал конверт и торжественно произнес: «Женский образ Тургенева как воплощение русской женщины». Тема была легкая. Достаточно воспеть русских женщин, и оценка в кармане. Письменный экзамен по физике был гораздо сложнее. Но там, где мне отказывали мозги, в дело вступало искусство списывать. Поэтому с физикой тоже никаких проблем не было. Экзаменационная комиссия дала нам день отдыха. Затем последовали устные экзамены. Здесь каждый отвечал за себя. Нужно было витиевато отвечать на простые вопросы. Первым шел экзамен по Закону Божьему. Наш наставник мулла обычно тихо себе посиживал на заднем плане, но сегодня он вдруг перешел в первые ряды, облаченный в длинную струящуюся накидку и подпоясанный зеленым поясом, свидетельствовавшим о его приверженности к учению пророка. С учениками он был снисходителен. Он лишь спросил меня о символе вероисповедания и выставил высокую оценку – я, как примерный ученик, повторил шиитское заявление веры: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммед Его пророк, а Али наместник Аллаха». Последние слова имели особое значение, поскольку именно они отличали праведных шиитов от заблудших собратьев суннитов, однако и им Аллах не отказал в своей милости. Этому научил нас мулла, ибо он был человеком без предрассудков.

Его либеральность компенсировалась отсутствием оной у преподавателя истории. Я вытянул билет с вопросом, который мне не очень понравился: «Победа Мадатова в Гяндже». Преподаватель тоже не особенно комфортно почувствовал себя. В битве под Гянджой русские предательски убили знаменитого Ибрагим-хана Ширваншира, моего предка, который однажды помог Гасанкули-хану обезглавить князя Цицианашвили. «Ширваншир, вы вправе поменять билет», – мягко произнес преподаватель. Я подозрительно посмотрел на стеклянную чашу, полную листков с написанными на них вопросами. Каждый ученик имел право лишь один раз поменять билет, но в этом случае рассчитывать на отличную оценку уже не приходилось. Я не хотел испытывать судьбу, раз уж знал все о смерти своего предка. А там, в чаше, лежали совершенно неизвестные вопросы о Фридрихе Вильгельме в Пруссии или причинах Гражданской войны в Америке. Кто мог знать об этом? Я покачал головой. Затем я, как можно обстоятельней и вежливей, рассказал о том, как иранский шахзаде Аббас-мирза выехал с сорокатысячной армией из Тебриза в Азербайджан, чтобы изгнать оттуда русских. В Гяндже его встретил пятитысячный отряд, которым командовал царский генерал армянин Мадатов. Огнем своей артиллерии Мадатов расстрелял иранское войско, которое доселе

не было знакомо с огнестрельным оружием. Шахзаде Аббас-мирза свалился со своего коня и уполз в канаву, армия обратилась в бегство, а Ибрагим-хан Ширваншир был схвачен и расстрелян при попытке перебраться на другую сторону реки со своей армией. «Победа была одержана не столько благодаря храбрости русских, сколько техническому превосходству в вооружении отряда Мадатова. В результате победы был подписан Туркманчайский договор, согласно коему иранцы должны были выплатить огромную контрибуцию, которая впоследствии полностью разорила пять персидских провинций». Этим заявлением я лишал себя отличной оценки. Я должен был сказать: «Победа была одержана благодаря доблести русских, которые обратили в бегство врага, численностью превосходившего их в восемь раз. В результате этой победы был подписан Туркманчайский договор, с помощью которого Ирану удалось приобщиться к западной культуре и рынкам». Но мне было все равно – честь моего предка для меня была равнозначна разнице между «отлично» и «хорошо».

Экзамены закончились. Директор произнес еще одну речь. Он с гордостью и подобающей моменту серьезностью объявил нас выпускниками, и мы, подобно освобожденным арестантам, ринулись вниз по лестнице. Сияло ослепительное солнце. Улицы были покрыты мелким желтым песком. Полицейский на углу улицы, охранявший нас восемь лет, поздравил нас, и каждый дал ему пять копеек. Затем мы, как шайка бандитов, с криками и воплями побежали в город. Я поспешил домой, где меня встретили, как Александра после его победы над персами. Слуги благоговейно смотрели на меня. Отец расцеловал и пообещал исполнить три любых желания. Дядя сказал, что такой образованный мужчина должен быть представлен тегеранскому двору, где ему надлежит сделать блестящую карьеру.

Когда улеглись первые волнения, я пробрался к телефону. Вот уже две недели я не разговаривал с Нино. Согласно мудрому правилу отцов, мужчине, стоящему на жизненном перепутье, следует держаться подальше от женщин. Сейчас же я снял трубку громоздкого аппарата, покрутил ручку и прокричал: «3381!»

– Али, ты сдал экзамены? – раздался голос Нино.

– Да, Нино.

– Поздравляю, Али!

– Когда и где мы можем встретиться, Нино?

– В пять у бассейна в Губернаторском саду, Али.

Продолжать дальше было невозможно. Родня, слуги и евнухи, любопытствуя, навестили уши. А за спиной Нино стояла ее аристократка-матушка. Лучше повесить трубку. В любом случае бестелесным голосом не особенно насладишься.

...Я поднялся в большую комнату отца. Он восседал на диване. За ним расположился дядя. Оба пили чай. Слуги, стоявшие вдоль стены, уставились на меня. Экзамен еще не закончился. Ибо сейчас, когда я собирался вступить во взрослую жизнь, отец должен был официально и прилюдно раскрыть сыну всю мудрость жизни. Это было трогательно и вместе с тем немного старомодно.

– Сынок, теперь, когда начинается твоя взрослая жизнь, я должен еще раз напомнить тебе об обязанностях мусульманина. Мы живем в стране неверных. Дабы не исчезнуть, мы должны беречь наши древние традиции и уклад жизни. Сын мой, чаще молись, не пей, не целуй чужих женщин, будь добр к бедным и слабым и всегда будь готов обнажить кинжал во имя веры. Если ты погибнешь на поле битвы, я, старик, стану скорбеть. Если же ты выберешь бесчестную жизнь, твой отец будет опозорен. Не забывай своих врагов, мы не христиане. Не думай о завтрашнем дне, ибо это сделает тебя трусом. И никогда не забывай основ шиизма – учения имама Джафара.

Дядя и слуги словно впали в транс. Они внимали словам отца так, как будто это были откровения. Затем отец поднялся, взял меня за руку и напряженно добавил:

– И последнее. Прошу тебя – никогда не занимайся политикой! Делай все, что захочешь, но не вмешивайся в политику!

Я мог поклясться с чистой совестью. Политика меня совсем не занимала. А Нино не представляла политической проблемы. Отец еще раз обнял меня. Теперь я стал совсем зрелым человеком.

В половине пятого я спускался по крепостному переулку к бульвару, сверкая своей нарядной формой. Затем свернул направо, пройдя мимо губернаторского

дворца к саду, разбить который на пустынной почве Баку стоило огромных усилий. Удивительное чувство свободы не покидало меня. Мимо меня проехал в своем фаэтоне губернатор, и мне не пришлось отдать ему воинскую честь, как я делал на протяжении восьми лет. Я снял с фуражки серебряную кокарду Бакинской высшей гимназии. Теперь я один из выпускников. Отныне я прогуливался как гражданское лицо, и на минуту меня посетила мысль покурить у всех на виду. Однако отвращение к табаку перевесило соблазн свободы. Я отказался от мысли закурить и свернул в парк.

Это был большой пыльный сад со скудными печальными деревьями и залитыми асфальтом дорожками. По правой стороне возвышалась старая крепостная стена. В центре стояли белые мраморные колонны городского клуба. Между деревьями расположились бесчисленные скамейки. Три фламинго стояли среди пыльных пальм, уставившись на красный шар заходящего солнца. Около клуба находился бассейн – огромный круглый резервуар, выложенный каменными плитами. Городская управа намеревалась заполнить его водой и выпустить туда лебедей. Однако этой идее не суждено было сбыться. Вода стоила дорого, а во всей стране не нашлось ни одного лебедя. Резервуар неизменно глазел в небо, как пустая глазница мертвого циклопа.

Я уселся на скамейку. За замысловатой неразберихой квадратных серых домов, над их плоскими крышами ярко светило солнце. Тени деревьев за моей спиной становились все длиннее. Мимо, шаркая туфлями, прошла женщина в голубой полосатой чадре. Сквозь чадру выпирал длинный нос с горбинкой. Нос принюхался ко мне. Я отвернулся. На меня стала находить странная апатия. Как хорошо, что Нино не носит чадру и у нее нет такого длинного и кривого носа. Нет, я не заставляю Нино носить чадру. А может, и заставляю? В мягких лучах заходящего солнца перед моим мысленным взором возник облик прелестной Нино. Нино Кипиани – какое красивое грузинское имя. Нино, чьи почтенные родители отличаются европейским вкусом. Что все это значило для меня? У Нино светлая кожа, большие смеющиеся темные кавказские глаза, обрамленные длинными нежными ресницами. Только у грузинок такие прекрасные и веселые глаза. Ни у европейек, ни у азиаток. Тонкие брови полумесяцем и профиль Мадонны. Мне стало грустно. Мне стало грустно от такого сравнения. На Востоке существует столько сравнений для мужчины, а вот женщин сравнивают только с Девой Марией – символом чужого, непонятного мира.

Я опустил взгляд на асфальтовую дорожку Губернаторского сада, покрытую сверкающим песком, привезенным из великих пустынь, и закрыл глаза. Сбоку от

меня слышался беззаботный смех.

– Святой Георгий! Посмотрите на этого Ромео, уснувшего в ожидании своей Джульетты!

Я вскочил. Рядом со мной стояла Нино, в небесно-голубой форме гимназии Святой Тамары. Она была очень худенькой, даже очень худой по восточным меркам. Но именно этот недостаток пробуждал во мне нежные чувства и желание защитить ее. Ей было семнадцать, и я знал ее с того самого дня, когда она впервые прошла по Николаевской улице в свою гимназию.

Нино села. Ее глаза блестели.

– Значит, ты все-таки сдал экзамены? Я немного волновалась за тебя.

Я положил руку ей на плечо:

– Пришлось прилично поволноваться, но Аллах, как видишь, приходит на помощь своим смиренным рабам.

Нино улыбнулась:

– Через год тебе придется наставлять меня. Было бы здорово, если бы ты сидел под моей партой и шептал мне ответы по математике.

Этот порядок завелся много лет тому назад, когда двенадцатилетняя Нино, вся заплаканная, прибежала ко мне во время перемены и потащила к себе в класс, где мне пришлось весь урок сидеть под ее партой и подсказывать решения задач на уроке математики. С тех пор в глазах Нино я сделался героем.

– Как поживает твой дядя со своим гаремом? – спросила Нино.

Я помрачнел. Дела гарема обычно хранятся в секрете. Но перед безобидным любопытством Нино отступали все правила восточного приличия. Моя рука нырнула в ее темные волосы.

– Гарем дяди скоро возвращается домой. Как ни удивительно, западная медицина, по-видимому, помогла, хотя точных признаков нет. Пока ребенка ждет дядя, а не тетя Зейнаб.

Нино по-детски наморщила бровь:

– Все это отвратительно. Мои родители против этого. Держать гарем постыдно.

Она говорила тоном школьницы, отвечающей урок. Я коснулся губами ее уха:

– У меня никогда не будет гарема, Нино, никогда.

– Но ты, наверное, заставишь жену носить чадру!

– Может быть. Поживем – увидим. Чадра – полезная штука. Она защищает от солнца, пыли и взглядов незнакомцев.

Нино покраснела:

– Ты всегда будешь азиатом, Али. Чем тебе мешают чужие взгляды? Женщина хочет нравиться.

– Женщина должна хотеть нравиться только своему мужу. Открытое лицо, голая спина, полуобнаженная грудь, прозрачные чулки на изящных ножках – все это обещания, которые женщина должна исполнить. Мужчина, увидевший это, желает большего. Вот для того, чтобы у мужчин не возникло такого желания, женщины и носят чадру.

Нино изумленно посмотрела на меня:

– По-твоему, семнадцатилетние девушки и девятнадцатилетние юноши говорят о таких вещах в Европе?

– Мне недосуг о них думать.

– Тогда и мы не будем говорить о них, – сурово ответила Нино, сжав губы.

Я погладил ее волосы. Она запрокинула голову. Последний луч заходящего солнца отразился в ее глазах. Я склонился к ней... Ее губы нежно и безвольно раскрылись. Я припал к ним очень долгим и неприличным поцелуем. У Нино перехватило дыхание. Затем она отстранилась. Мы сидели молча, уставившись в сумерки. Потом, немного смущенные, мы поднялись. Взявшись за руки, мы покинули сад.

– На самом деле и мне следует носить чадру, – сказала она, – или выполнить твоё желание.

Она смущенно улыбнулась. Теперь все было в порядке. Я проводил ее домой.

– Я обязательно приду на ваш выпускной вечер, – сказала она.

– А что ты будешь делать летом, Нино?

– Летом? Мы собираемся в Шушу и Карабах. Но не нужно заноситься. Это не означает, что и ты должен приезжать в Шушу.

– Хорошо. Увидимся в Шуше этим летом.

– Ты невыносим. И что я нашла в тебе?

Дверь за ней закрылась.

Я пошел домой. Евнух дяди, с лицом высушенной ящерицы, усмехнулся:

– Грузинки – красивые женщины, хан. Но не стоит целовать их открыто, в общественных садах, где ходит так много народу.

Я ущипнул его за ухо. Евнух может быть наглым сколько захочет. Он среднего пола: ни мужчина, ни женщина.

Я отправился к отцу:

– Ты обещал исполнить три моих желания. У меня назрело первое: это лето я хочу провести один в Карабахе.

Отец пристально посмотрел на меня, затем, улыбнувшись, кивнул.

Глава 4

Зейнал-ага был простым крестьянином из пригорода Баку – Бинагади. Ему принадлежал участок пыльной, сухой, неплодородной земли, который он возделывал до тех пор, пока в результате несильного землетрясения на скудном наделе не образовалась трещина и оттуда не хлынул нефтяной фонтан. С тех пор Зейнал-аге не приходилось думать о том, как свести концы с концами. Деньги сами текли к нему рекой, и он расточал их направо и налево. Однако деньги все накапливались, накапливались и вскоре стали ему в тягость. Он чувствовал, что рано или поздно за такой удачей последует наказание, и поэтому жил в ожидании Божьей кары, подобно приговоренному смертнику. Он строил мечети, больницы, тюрьмы, совершил паломничество в Мекку и открыл детские приюты. Однако судьбу не подкупишь. Его восемнадцатилетняя жена, на которой он женился в семьдесят лет, запятнала его честь. Он отомстил за поругание сполна – жестоко и беспощадно, после чего сдал и пресытился жизнью. Семья развалилась, один из сыновей ушел из дома, второй навлек невыносимый позор, совершив грех самоубийства. Теперь, седой, унылый и униженный, Зейнал-ага обитал в своем сорокакомнатном бакинском дворце. Единственный оставшийся сын Ильяс-бек учился с нами в одном классе, и выпускной вечер должен был состояться в доме Зейнал-аги – в большом зале с потолком из горного хрусталя.

В восемь часов я поднимался по широкой мраморной лестнице. Ильяс-бек стоял наверху, приветствуя гостей. Он, как и я, был в черкесском костюме, украшенном изящным тонким кинжалом, свисавшим с пояса. Теперь и мы могли пользоваться этой привилегией.

– Салам алейкум, Ильяс-бек! – воскликнул я и коснулся правой рукой папахы.

Мы пожали друг другу руки в старой традиционной манере: правой рукой я пожал ему правую руку, а его левая рука пожала мне левую руку.

– Сегодня ночью мы закроем лепрозорий, – прошептал мне Ильяс-бек.

Я радостно закивал в ответ.

Лепрозорий был выдумкой и секретом нашего класса. Русские преподаватели не имели ни малейшего представления о том, что происходило в нашем городе и его окрестностях, даже если бы они прожили и проработали здесь много лет. В их глазах мы были всего лишь на все способными аборигенами. Поэтому мы сообщили им о лепрозории около Баку. Если кто-то из нас хотел прогулять уроки, староста класса подходил к классному наставнику и, стуча зубами, рассказывал о том, как несколько больных проказой сбежали из лепрозория и теперь разгуливают по городу. Полиция разыскивала их именно в той части Баку, где проживали прогульщики. Наставник бледнел и разрешал учащимся не приходить в школу до тех пор, пока прокаженные не будут арестованы. В зависимости от обстоятельств эти прогулы могли затянуться на неделю или даже больше. Ни одному преподавателю не приходило в голову обратиться в санитарное управление и выяснить о существовании этого лепрозория. Но сегодня ночью мы собирались закрыть лепрозорий.

Я направился в уже переполненный зал. В углу в окружении преподавателей сидел наш директор с подобающей случаю торжественной и помпезной маской на лице. Я подошел к нему и уважительно поклонился. Благодаря моей обезьяньей способности к языкам и диалектам одноклассники-мусульмане назначали меня своим уполномоченным, когда дело доходило до разбирательств с директором. В то время как нерусское происхождение многих из них выдавала первая фраза на русском языке, мне удавалось имитировать отдельные диалекты. Наш директор был из Петербурга, поэтому с ним надо было говорить на «питерском», то есть пришепетывать согласные и глотать гласные. Хотя акцент получался не очень красивый, зато весьма и весьма аристократичный. Директору и в голову не приходило, что я дурачился. Он радовался прогрессу русификации этой окраины.

– Добрый вечер, господин директор, – скромно произнес я.

– Добрый вечер, Ширваншир, ты пришел в себя после экзаменов?

– Да, господин директор. Но потом я пережил сильное потрясение.

– Что произошло?

– Ну, в связи с лепрозорием. Мой кузен Сулейман побывал там. Он, знаете ли, служит лейтенантом в Сальянской воинской части. Ему нездоровилось, и мне пришлось поухаживать за ним.

– А что же случилось с лепрозорием?

– Разве вы не знаете? Прокаженные вчера совершили побег и ринулись в город. Против них развернули две части Сальянского полка. Прокаженные захватили два поселка. Солдаты окружили эти поселки и стреляли во всех без разбора. В данный момент все дома сжигаются. Правда, ужасно, господин директор, что лепрозорий перестал существовать? Обезображенные, разлагающиеся куски плоти, упавшие с больных, лежат за городскими воротами. Их поливают нефтью и сжигают.

На лбу директора выступили капельки пота. Он, наверное, думал о том, что наступил момент попросить министерство о переводе в более цивилизованное место.

– Какая ужасная страна, какой ужасный народ, – хрипло произнес он. – Теперь-то вы видите, дети мои, как важно иметь опытное правительство и быстро реагирующие магистраты.

Класс окружил директора и, ухмыляясь, слушал его лекцию о пользе порядка. С лепрозорием было покончено. Нашим последователям придется разработать новую собственную версию.

– А знает ли господин директор о том, что сын Мухаммеда Гейдара уже учится во втором классе в нашей школе? – невинно спросил я.

– Что-о-о? – Глаза директора полезли на лоб.

Мухаммед Гейдар был проклятием школы. Он оставался в каждом классе по три года. В шестнадцать лет он женился, но продолжал ходить в школу. Его сын в девятилетнем возрасте пошел в ту же самую гимназию. Сначала счастливый отец попытался скрыть это. Но однажды маленький пузан подошел к нему во

время большой перемены и, уставившись на него большими невинными глазами, произнес по-азербайджански:

– Папа, если ты сейчас же не дашь мне пять копеек на шоколадку, я расскажу маме, как ты списал задачи по математике.

Жестоко опозоренный Мухаммед Гейдар надрал наглецу уши и попросил нас рассказать директору при первом же удобном случае о своем отцовстве.

– Вы хотите сказать, что у ученика шестого класса Мухаммеда Гейдара есть сын, который учится во втором классе? – спросил директор.

– Да, он просит у вас прощения и хочет, чтобы его сын стал таким же образованным, как он сам. Очень трогательно видеть, как распространяется тяга к западному образованию.

Директор покраснел. Он молча задавался вопросом, насколько обучение отца с сыном в одной школе противоречит правилам гимназии. Однако так и не пришел ни к какому решению. Таким образом, отцу и сыну было разрешено осаждать и дальше этот бастион западной науки.

Открылась маленькая дверь. Десятилетний мальчик отодвинул тяжелые шторы и ввел темнокожих слепых музыкантов из Ирана. Держась за руки, музыканты прошли в угол зала и уселись на ковре. Их редкие инструменты были изготовлены много веков тому назад в Иране. Раздалась заунывная музыка. Один из музыкантов поднес ладонь к уху – классический жест восточных певцов. В зале воцарилась тишина. Раздался полный восторга удар бубна, и певец запел фальцетом:

Твой стан подобен персидскому кинжалу,

Уста твои словно пылающий рубин.

Будь я турецким султаном, стала бы ты суженой моей,

В косы твои вплетал бы я жемчуг,

Целовал бы пятки твои,

В чаше золотой преподнес бы сердце свое.

Певец умолк, но песню подхватил громкий и резкий голос другого. С ненавистью в голосе он пел:

Но каждую ночь

Ты, какмышь, крадешься

Через двор в соседний дом.

Бубен безумствовал. Кяманча рыдала. И уже третий певец страстно запел:

Он шакал, он неверный.

О горе, о несчастье, о позор!

На минуту воцарилась тишина. Затем через три-четыре такта мягко и романтически нежно запел четвертый:

Три дня я точил свой кинжал,

На четвертый заколол врага,

Искромсав его.

Я переброшу тебя, моя любимая, через седло,

Повяжу лицо свое платком войны

И умчусь с тобой в горы.

Рядом со мной стояли директор школы и преподаватель географии.

– Какая ужасная музыка, – мягко произнес директор. – Звучит как рев кавказского осла в ночи. Интересно, есть ли какой-нибудь смысл в словах?

– Нет, наверное, так же как и в музыке.

Я уже хотел на цыпочках уйти от них, но почувствовал, как зашевелилась тяжелая дамасская портьера за моей спиной. Я осторожно оглянулся. За портьерой стоял старик с белоснежными волосами и странными светлыми

глазами. Слушая музыку, он плакал: его превосходительство Зейнал-ага, отец Ильяс-бека. Его мягкие руки с толстыми голубыми венами дрожали. Эти руки не могли даже написать имя хозяина, но управляли семидесятимиллионным состоянием. Я отвернулся. Он был простым крестьянином, этот Зейнал-ага, но понимал в искусстве пения больше преподавателей, выпустивших нас в свет. Песня закончилась. Музыканты принялись играть кавказскую танцевальную мелодию. Я огляделся. Учащиеся сбились в группы и пили вино, даже мусульмане. Я не пил. Девочки, сестры и друзья наших одноклассников, щебетали по углам. Среди них было много русских девочек с русыми косами, серыми или голубыми глазами и напудренными сердцами. Они говорили либо только с русскими, либо с армянами или грузинами. Приближение же мусульман их смущало, они хихикали и, ответив скороговоркой, отворачивались. Кто-то заиграл на пианино вальс. Директор закурил с дочерью губернатора.

Наконец-то! С лестницы послышался ее голос:

– Добрый вечер, Ильяс-бек. Я немного опоздала, но не по своей вине.

Я смутился. Нино была одета не в вечернее платье и даже не в форму гимназии Святой Тамары. С ее плеч свисала короткая бархатная накидка с золочеными пуговицами. Талия была туго стянута ремешком и казалась такой тонкой, что я смог бы обхватить ее одной рукой. Длинная черная бархатная юбка доходила до пят, обнажая позолоченные носки ее лайковых башмачков. На головке сидела небольшая круглая шапочка, с которой на лоб двумя рядами спадали тяжелые золотые монеты. Она была в старинном костюме грузинской княжны и походила на византийскую Мадонну. Мадонна рассмеялась:

– Нет, Али-хан, не сердись. Пока завяжешь все тесемки этой юбки, столько времени пройдет. Я натянула ее только из-за тебя.

– Первый танец мой! – выкрикнул Ильяс-бек.

Нино взглянула на меня, и я кивнул в знак согласия. Я танцую неважно, да и не особенно люблю танцевать. А Ильяс-беку можно доверить Нино. Он знает, как себя вести. «Молитву Шамиля!» – попросил Ильяс-бек у музыкантов. Раздалась дикая музыка. Ильяс-бек выпрыгнул в центр зала, вытащил свою саблю, и ноги его понеслись в бешеном ритме танца кавказских горцев. В руках его блеснул клинок сабли. Нино подплыла к нему. Ноги ее казались игрушечными. Начался

танец Шамиля. Мы хлопали в такт музыке. Нино исполняла партию невесты, которую предстояло похитить... Ильяс зажал саблю между зубами и, раскинув руки, подобно хищной птице, кружил вокруг девушки. Нино скользила по залу, передавая движениями гибких рук страх, отчаяние и покорность. В левой руке она держала платок. Все тело дрожало. И лишь монетки ее шапочки спокойно возлежали на лбу – в этом заключалось мастерство танца. Только грузинка может делать такие фантастически быстрые повороты, не приводя в движение монетки на шапочке. Ильяс мчался за ней. Он, не останавливаясь, преследовал ее. Чем властнее становились широкие движения его рук, тем слабее отбивали его атаки руки Нино. Наконец она замерла, как загнанная охотником лань. Ильяс-бек кружил все ближе и ближе. Взгляд Нино стал мягким и покорным. Руки ее задрожали. Музыка стала громче, и она разжала левую руку. Платок упал наземь, и в тот же миг сабля Ильяс-бека пригвоздила его к полу. Ритуальный танец закончился.

Кстати, я упомянул, что перед танцем мы с Ильяс-беком обменялись саблями? Так что платок Нино пригвоздила моя сабля. Всегда лучше подстраховаться, ибо как гласит мудрое правило: «Перед тем как поручить верблюда покровительству Аллаха, покрепче привяжи животное к забору».

Глава 5

– О хан, когда наши славные предки впервые ступили в эту страну, где они собирались добыть себе великое и наводящее ужас имя, они закричали: «Гара Бах!» – «Смотрите – там лежит снег!» Но, подойдя к горам и увидев густой лес, они закричали: «Карабах!» – «Черный сад!» С тех пор этот край стал называться Карабах. Ибо, да будет вам известно, хан, наш край очень древний и знаменитый.

Старик Мустафа, у которого в Шуше я снимал комнаты, почтенно умолк. Затем он выпил маленькую рюмку карабахского фруктового ликера, отрезал кусочек странного, волокнистого сыра, напоминающего девичью косу, и продолжил:

– В наших горах, как известно, обитают зловещие темные призраки, стоящие на страже несметных сокровищ. В лесах стоят священные камни, меж которых текут священные родники. У нас есть все. Пройдись по городу и погляди,

работает ли кто-нибудь. Да никто! Ты удивишься, ага!

Я действительно удивился тому, как искусно лгали жители этого края. Они слагали любые легенды, дабы прославить свою родину. Только вчера толстяк-армянин пытался рассказать мне, что христианская церковь Марас в Шуше была построена пять тысяч лет тому назад.

– Не завирайся, – предупредил я его. – Христианство как религия возникло едва ли две тысячи лет тому назад. Церковь не могла быть построена до возникновения религии как таковой.

Толстяк обиделся и упрекнул меня:

– Вы, несомненно, образованный человек. Но позвольте мне, старику, напомнить вам, что христианство как религия могло возникнуть две тысячи лет назад в других странах. Но нас, карабахцев, Иисус Христос наставил на путь истинный за три тысячи лет до того. Вот так вот!

Через пять минут тот же старик, не моргнув и глазом, поведал мне, что французский генерал Мюрат – армянин по происхождению и родился в Шуше. Ребенком его забрали во Францию, чтобы и там прославить Карабах. Даже по дороге в Шушу фаэтонщик показал на каменный мостик, по которому нам предстояло проехать, и гордо произнес:

– Мост был построен Александром Великим, когда он отправился на завоевание Персии.

На перилах большими цифрами было выбито «1897». Я показал это фаэтонщику, но тот лишь махнул рукой:

– Аи, ага, русские выбили эти цифры позднее из-за зависти к нашей славе!

Шуша – удивительный край. Он раскинулся на высоте пяти тысяч метров в горах, окружен лесами и родниками. Здесь в полном согласии живут армяне и мусульмане. На протяжении веков Шуша служила мостом между кавказскими странами, Персией и Турцией. Местные аристократы – армянские нахарары и мелики да мусульманские беки и агалары – строили дома на холмах и в долинах,

окружавших город. Часто с подкупающей детской самонадеянностью они называют свои мазанки дворцами. Этим людям никогда не надоеет сидеть на крыльце, покуривая трубку и рассказывая друг другу о том, как часто карабахские генералы спасали Российскую империю и самого царя и какая ужасная участь постигла бы их, встань на их защиту кто-нибудь другой.

Я и мой гочу доковыляли до Шуши за семь часов. Гочу – вооруженная прислуга по профессии и разбойники по призванию. Это безмолвные люди с воинственным выражением лица и со свешивающимися с пояса кинжалами, шпагами, пистолетами и другим оружием, проводящие время в раздумьях о своем героическом прошлом и трофеях. А может, их молчаливость и вовсе ничего не означает. Отец настоял на том, чтобы меня сопровождал гочу, – то ли чтобы уберечь меня от незнакомцев в пути, то ли их от меня. Но я не особенно сопротивлялся. Мне нравился этот гочу, и потом, его связывало с домом Ширванширов родство, на него можно было положиться как на восточного слугу.

Я жил в Шуше уже пять дней. Пять дней в ожидании Нино я выслушивал от каждого встречного, что самые богатые, отважные и вообще выдающиеся люди являются выходцами из Шуши. Я смотрел на городские сады, считал минареты и церковные колокольни. Шуша, несомненно, была религиозным городом: семнадцать церквей и десять мечетей с лихвой хватало на шестьдесят тысяч населения. И потом, рядом с городом можно было найти несметное количество святых мест, самыми важными из которых были знаменитая могила, часовня и два дерева святого Сары-бека. Хвастливые друзья потащили меня туда в первый же день.

До могилы святого можно добраться из Шуши за час. Весь город совершает туда ежегодное паломничество, где в святой роще устраиваются пиры. Отличающиеся особой набожностью ползут к могиле на коленях – довольно неудобный способ почтить святого, хотя именно так паломничество становится особой заслугой. У могилы растут два дерева, дотрагиваться до которых считается святотатством. Достаточно коснуться до листика, чтобы все тело оказалось парализованным, – настолько велика сила святого. Хотя никто так и не смог толком рассказать мне, имели ли место на самом деле случаи паралича или какие-нибудь другие чудеса. Мне лишь в малейших подробностях поведали о том, как однажды, спасаясь от врагов, Сары-бек взобрался на верхушку горы, откуда смотрит на нас современная Шуша. Когда враги совсем приблизились, конь его перелетел могучим прыжком через горы, скалы и весь город. На месте, где приземлился конь, и сегодня можно увидеть отпечатки на камне – следы

копыт этого благородного животного. Такую вот историю мне рассказали. И когда я попытался было выразить свои сомнения насчет прыжка, последовал возмущенный ответ:

– Так, ага, конь-то был карабахским.

И тут же поведали очередную легенду о карабахском скакуне:

– Город утопал в красотах... Но самым лучшим в этом городе был карабахский скакун, знаменитый конь, за которого персидский шах Ага Мухаммед предлагал весь свой гарем...

А знали ли вообще мои друзья, что Ага Мухаммед был импотентом?

– Этот скакун, – продолжали они, – был почти святым. Чтобы вывести эту чудесную породу, аксакалы на протяжении веков ломали голову, пока не появился знаменитый гнедой карабахский скакун.

После всех этих историй мне стало интересно увидеть этих прекрасных коней. Но друзья лишь с сожалением посмотрели на меня:

– Легче попасть в султанский гарем, чем проникнуть в конюшню с карабахскими скакунами. Во всем городе всего двенадцать гнедых, и увидеть их – все равно что прослыть конокрадом. Владелец скакуна садится на него лишь в случае войны.

Словом, мне пришлось довольствоваться их рассказами о легендарном скакуне.

Сейчас я сидел на веранде в Шуше, слушая болтовню старого Мустафы и ожидая Нино. Этот сказочный город мне нравился.

– О хан, – вдруг начал Мустафа, – ваши предки воевали, а вы просидели в обители знаний и стали образованным человеком. Получается, что вы знакомы и с изящными искусствами. Персы гордятся Саади, Хафизом и Фирдоуси, русские – Пушкиным, а далеко на западе творил поэт по фамилии Гёте, написавший поэму о дьяволе.

– И что же? Все эти поэты родом из Карабаха? – прервал его я.

– Нет, мой благородный господин, я просто хочу сказать, что наши поэты лучше, хотя и отказываются заключать слова свои в мертвые буквы. Они слишком талантливы, чтобы записывать свои поэмы, и поэтому просто рассказывают их.

– О каких поэтах ты говоришь? Не об ашугах ли?

– Ну да, об ашугах, – авторитетно заявил старик. – Они проживают в селах Шуши, и завтра у них будет состязание. Вы пойдете посмотреть на них?

Местными поэтами славится почти каждое карабахское село. Они слагают поэмы на протяжении зимы, а весной выходят в люди и распевают свои песни в лачугах и дворцах. Но лишь три села населяют исключительно поэты, и в знак почтения, с которым Восток относится к поэзии, эти села освобождены от налогов и податей. Одним из таких сел является Дашкенд.

С первого взгляда было понятно, что жители этого села не простые крестьяне. Это были длинноволосые мужчины в шелковых одеяниях, с подозрением поглядывавшие друг на друга. За ними следовали их жены с грустными лицами и музыкальными инструментами мужей в руках. Село кишело богатыми армянами и мусульманами, съехавшимися со всей страны послушать ашугов. Энергичная толпа собралась на небольшой главной площади. В центре стояли два доблестных ашуга, приготовившиеся к тяжелой дуэли. Они презрительно поглядывали друг на друга. Длинные волосы развевались на ветру. Вдруг один из них выкрикнул:

– От твоей одежды воняет навозом, лицо твое похоже на свиное рыло! Таланта меньше, чем волос на животе девственницы! Ты за гроши сочинил бы поэму о своем собственном позоре!

Второй вторил ему зловещим лаем:

– Ты одет как сводник, а голос у тебя как у евнуха. Ты не можешь продать свой талант за неимением оного. Поедаешь объедки с праздничных столов, накрытых в мою честь.

Они продолжали с жаром ругаться. Публика аплодировала. Затем появился какой-то седой старик с лицом апостола и объявил темы состязания: «Луна над Араксом» и «Смерть Аги Мухаммед-шаха!»

Поэты подняли глаза к небу и запели. Песнь их была о жестоком Аге Мухаммеде, который поехал в Тифлис, чтобы вернуть себе мужскую силу в тамошних серных водах. Когда и серные родники не помогли ему, шах разрушил город и велел беспощадно истребить всех мужчин и женщин. Но по дороге домой его настигла беда. Ночью, когда он спал в своем шатре, кто-то заколол его кинжалом. Великому шаху не суждено было насладиться жизнью. В походах ему приходилось терпеть голод, довольствоваться черным хлебом и кислым молоком. Он завоевал огромное число стран и бедствовал хуже нищего в пустыне. Этот несчастный Ага Мухаммед...

Все это декламировалось в классических стихах. В одном из них подробно рассказывалось о мучениях бессильного в стране наикрасивейших женщин, а в другом с той же тщательностью описывалась казнь этих женщин. Публика осталась довольной. С ашугских лбов градом катился пот. Затем один из них с более мягким голосом выкрикнул:

– На что похожа луна над Араксом?

– На лицо твоей возлюбленной, – прервал его сердитый собрат.

– Нежен свет той луны, – выкрикнул мягкоголосый.

– Нет, луна подобна щиту воина, павшего в бою, – ответил сердитый.

Через некоторое время сравнения закончились, и каждый из них стал воспевать красоту луны, реки Аракс, которая извивается, как девичья коса меж степей, и возлюбленных, любующихся в сумерках отражением луны в водах Аракса...

Сердитого объявили победителем, после чего он со злобной усмешкой отобрал саз у своего оппонента. Я решил подойти к нему. Он выглядел угрюмым, собирая монеты в свою чашу.

– Вы довольны своей победой? – поинтересовался я.

Он с отвращением сплюнул:

– Разве это победа, ага? Раньше победителей не было. Сотню лет тому назад победителю разрешалось обезглавить проигравшего. Вот тогда наше искусство действительно ценилось. Да и мы уже не те. Кому же захочется пролить кровь ради какой-то поэмы?

– Вы же теперь лучший поэт в округе.

– Нет, – повторил он. – Я всего лишь искусный мастер. Мне далеко до настоящих ашугов.

– А кто они, настоящие ашуги?

– В месяце Рамазан, – поведал сердитый ашуг, – есть таинственная ночь, которая называется ночью Кадыра. В эту ночь вся природа на час засыпает. Реки перестают течь, злые духи оставляют свои сокровища. Можно услышать рост травы и разговор деревьев. Из рек появляются нимфы, а зачатые в эту ночь люди рождаются мудрецами и поэтами. В эту ночь поэт должен призвать пророка Ильяса – святого покровителя всех поэтов. Пророк появляется в нужное время, разрешает поэту отпить из своего сосуда и освящает его: «Теперь ты стал настоящим ашугом и начнешь видеть весь мир моими глазами». Таким образом, освященные поэты начинают управлять стихиями: животные и люди, ветры и моря слушаются его голоса, ибо сила пророка в словах его.

Сердитый ашуг опустил на землю и, обхватив лицо ладонями, горько зарыдал:

– Но никто не знает, какая ночь – ночь Кадыра и в какой час ночи природа погружается в сон. Поэтому настоящие ашуги вымерли.

Он поднялся и пошел. Одинокий и угрюмый степной волк, живущий в зеленом раю Карабаха.

В своем узком каменистом ложе звенел родник Печапюр. Деревья, окружавшие его, стояли с воздетыми к небу ветвями, словно уставшие святые. Отсюда открывался величественный вид: на юге, подобно библейским пастбищам, раскинулись армянские луга, всем своим видом обещающие богатый урожай. За холмами пряталась Шуша. А на востоке в пыльных пустынях Азербайджана терялись карабахские поля. Горячее дыхание огня Заратустры носилось над равниной на крыльях пустынного ветра. Но деревья вокруг нас стояли неподвижно, словно ангелы их только что оставили, а магия еще не успела раствориться. Наш костер казался потомком множества костров, благословивших этот священный край. Вокруг костра на разноцветных коврах расположилась группа грузин и я вместе с ними. Пока на вертеле жарилось мясо, мы наполнили чаши вином и разложили вокруг костра блюда с фруктами, овощами и сыром. Возле родника сидели странствующие музыканты – зазандари. Даже названия инструментов в их руках отличались мелодичностью: дайра, чунири-чианури, саламури, диплипито. По заказу городских грузин, пожелавших усилить экзотическое очарование происходящего, они стали петь одну из своих баяти – персидскую песнь о любви. Наши преподаватели латыни назвали бы такой экстравагантный способ слиться с народными обычаями «дионисийским настроением». Празднество было устроено семьей Кипиани, которая, добравшись до Шуши, решила собрать всех отдыхающих ночью в шушинской роще.

Напротив меня сидел отец Нино – тамада, управляющий застольем в соответствии со строгими правилами. Его глаза блестели, а на покрасневшем лице красовались густые черные усы. Сейчас он поднял свой бокал за меня. Я тоже отпил из своего, хотя обычно не пил. Но тамадой вечера был отец Нино, и было бы просто неприлично не выпить в его присутствии. Слуги принесли родниковой воды. Вода здесь одно из многочисленных чудес: выпив ее, можно есть сколько угодно, не беспокоясь при этом о неприятных последствиях переизбытка. Горы снели таяли на глазах по мере того, как мы упивались водой. Мать Нино сидела подле мужа у мерцающего огня. Несмотря на суровый профиль, у нее были смеющиеся глаза. Такие глаза принадлежали только мингрельским женщинам, выросшим в долине Риони, где колдунья Медея встретила с аргонавтом Язоном.

Тамада поднял свой бокал: «Выпьем в честь почтенного Дадияни». Старик с ясными, как у младенца, глазами поблагодарил его. Начался третий круг. Все опустошили свои бокалы. Пьяных не было, поскольку во время таких застолий грузины чувствуют душевный подъем и ясность разума, подобную печапюрской родниковой воде, которая, помимо всех своих волшебных качеств, еще и

отрезвляет.

Наша компания была не единственной в этот ночной час. Роща пестрела огнями множества костров. Каждую неделю шушинцы совершают паломничество к родникам, а празднества продолжаются до рассвета. Христиане и мусульмане собираются вместе под тенью святой рощи.

Я обернулся и встретился с сидевшей позади меня Нино глазами. Она беседовала с седовласым Дадиани. Почтительность к старшим и любовь к детям всегда в почете.

– Пообещай, что приедешь погостить у меня в замке в Зугдиди, – говорил старик. – В долине реки Риони, где давным-давно рабы Медеи собирали овечьим руном золото. И вы бы присоединились, Али-хан. Повидаете удивительные джунгли Мингрелии.

– С удовольствием, ваша светлость, но только ради вас, а не джунглей.

– Чем тебе не угодили леса? Для меня они – воплощение исполненного жизненного долга.

– Али-хан боится деревьев, как дети – привидений, – сказала Нино.

– Да нет же. Просто вам дороги леса, а мне – степь, – ответил я.

Дадиани прищурился:

– Степь, говоришь? Сухие кустарники и горячий песок?

– Мир лесов смущает меня, ваша светлость. Он полон страха и колдовства, призраков и демонов. Не позволяет смотреть вперед и обступает, повергнув в темноту. Солнечные лучи теряются в полумраке деревьев, и все кажется ненастоящим. Нет, лес действительно не по мне. И потом, в лесной тени я чувствую себя угнетенным, а шелест ветвей наводит грусть. Мне по душе простые вещи: ветер, песок и камни. Степь лишена прикрас и подобна удару кинжалом. Лес же своей замысловатостью напоминает гордиев узел. Я теряюсь в лесу, ваша светлость.

Дадиани задумчиво взглянул на меня.

– У тебя душа степняка, – сказал он. – Может, людей нужно разделять именно по этому признаку: на лесовиков и степняков. Восточное опьянение происходит в степи, где люди пьянеют от горячего ветра и песка, где мир кажется предельно простым и беззаботным. Лес же полон вопросов. Лишь степь не спрашивает, не дает и ничего не обещает. Однако пламень души зарождается в лесу. У степняка один лик и одна истина, которая переполняет его. Лесовик, напротив, многолик. Из степи происходят фанатики, а из леса – создатели. Может, в этом и заключается основное различие между Востоком и Западом.

– Вот почему армяне и грузины любят лес, – вмешался толстяк Мелик Нахарарян, принадлежащий к одному из известнейших армянских родов.

Этот человек с глазами навывкат и кустистыми бровями любил пофилософствовать и выпить. Мы прекрасно ладили. Он поднял бокал за мое здоровье и выкрикнул:

– Али-хан, в горах рождаются орлы, а в джунглях – тигры. Кто же рождается в степи?

– Львы и воины, – ответил я под радостные аплодисменты Нино.

Подали бараньи шашлыки. Вновь и вновь наполнялись бокалы.

Грузины гуляли вовсю. Дадиани пустился в подробные обсуждения с Нахараряном, а Нино лукаво поглядывала на меня. Я кивнул. Сумерки сгустились. При свете костров люди походили на духов или разбойников. На нас никто не обращал внимания. Я поднялся и отправился медленной походкой к роднику. Склонившись над водой, я зачерпнул полную ладонь воды и выпил. Какое наслаждение. Какое-то время я любовался отражением звезд в воде. Вдруг послышались шаги. Под маленькой ножкой хрустнула сухая ветка... Я протянул руку Нино. Мы прошли в лес. Нам не следовало покидать застолье у костра. Нино присела на траву и притянула меня к себе. Карабахские обычаи довольно суровые. Старый Мустафа с ужасом поведал мне, как восемнадцать лет назад в одной семье была нарушена верность и с тех пор деревья в их саду не плодоносили. Мы посмотрели друг на друга. При свете луны лицо Нино казалось бледным и таинственным.

– Княжна, – позвал я ее.

Нино искоса посмотрела на меня. Вот уже двадцать четыре часа Нино носила титул княжны – результат двадцатичетырехлетней тяжбы ее отца за право именоваться князем. Сегодня утром он получил из Петербурга телеграмму о получении желанного титула. Старик обрадовался этой новости, как ребенок, нашедший свою мать, и решил отпраздновать это событие ночью.

– Княжна, – повторил я и забрал лицо Нино в ладони.

Она не сопротивлялась, возможно из-за большого количества выпитого кахетинского вина. А может, ее пьянили лес и лунный свет. Я припал к ней губами. Ладони ее были мягкими и теплыми, а тело – податливым. Хрустнули сухие ветки. Мы лежали на мягком мху, и Нино смотрела на меня. Я дотронулся до маленьких холмиков ее девичьих грудей. На меня накатило странное чувство, которое вскоре полностью охватило нас обоих. Лицо ее стало тоньше и серьезней. Я расстегнул на ней платье. Кожа Нино сияла, как опал при лунном свете. Охваченная страстью, она произносила что-то нежное и пылкое. Я спрятал лицо между ее маленькими грудями, опьяненный ее благоухающей, чуть солоноватой на вкус кожей. Колени Нино дрожали. По лицу катились слезы. Я стал осушать лицо поцелуями. Она поднялась, безмолвная и неуверенная в своих загадочных, необъяснимых чувствах. Моей Нино было всего лишь семнадцать лет, и она училась в гимназии Святой царицы Тамары.

– Али-хан, кажется, я действительно люблю тебя, даже несмотря на то, что я теперь княжна.

– И все-таки тебе недолго осталось быть ею, – произнес я, встретив недоуменный взгляд Нино.

– В каком смысле? Царь снова собирается отнять у нас титул?

– Ты лишишься титула, выйдя за меня замуж. Не расстраивайся, титул хана тоже неплох.

Нино скрестила на затылке руки, запрокинула голову и рассмеялась:

– Хан? А может быть, жена хана? Такого титула не существует. И потом, у тебя смешно получается делать предложение – если это вообще можно считать предложением.

– Да, это и есть предложение.

Пальцы Нино погладили мое лицо и исчезли в волосах.

– А если я соглашусь, останешься ли ты благодарным на всю жизнь этому шушинскому лесу и заключишь ли мир с деревьями?

– Думаю, да.

– Наш медовый месяц мы проведем у твоего дядюшки в Тегеране, и мне, как особой гостье, позволят посетить и побеседовать за чашкой чая с толстушками в шахском гареме.

– Ну и?..

– И потом мне позволят смотреть на степь, потому что вокруг не будет ни одной души, желающей смотреть на меня.

– Нет, Нино, тебе не придется смотреть на степь. К тому же она тебе не понравится.

Нино обхватила мою шею и прижалась носом к моему лбу:

– Наверное, я приму твое предложение, Али-хан. Но ты подумал о том, что, помимо лесов и степей, нам придется преодолеть множество других преград?

– Каких?

– Прежде всего, мои родители умрут от горя, если я выйду замуж за мусульманина. Затем твой отец проклянет тебя и заставит меня принять ислам. А если я стану мусульманкой, то царь-батюшка сошлет меня в Сибирь за то, что я отреклась от христианской веры. И тебя заодно – за то, что заставил меня это сделать. И будем мы сидеть посреди Северного Ледовитого океана на айсберге,

пока большие белые медведи не съедят нас.

Я рассмеялся:

– Да нет же, Нино, не сгущай красок. Тебе не придется принимать ислам, и родители твои не умрут от горя, а на наш медовый месяц мы поедем в Париж и Берлин, чтобы ты смогла полюбоваться деревьями в Булонском лесу или Тиргартене. Ну что скажешь?

– Ты очень любезен, – произнесла изумленно она, – и я пока не отказываю тебе, у меня еще будет уйма времени дать тебе свое согласие. Не переживай, не сбегу я от тебя. Давай обсудим это дело с родителями, когда я окончу школу. Но не вздумай похищать меня. Все, что захочешь, только не это. Знаю я вас: перебрасываете девушку через седло, увозите в горы и в результате начинается кровная война с семьей Кипиани.

Вдруг ее охватило безудержное веселье. Все ее тело стало смеяться: лицо, руки, ноги, кожа. Она прислонилась к стволу дерева, склонила голову и посмотрела на меня. В тени дерева Нино походила на экзотическое животное, спрятавшееся в лесу от охотника.

– Пошли, – сказала Нино, и мы отправились к костру. Вдруг ее посетила мысль. Она остановилась и посмотрела на луну. – А наши дети, к какой религии они будут принадлежать? – с волнением спросила она.

– К самой лучшей и подходящей, – уклончиво ответил я.

Она подозрительно взглянула на меня и на минуту умолкла, погрузившись в думу. Затем с грустью произнесла:

– Я ведь не слишком стара для тебя? Мне скоро исполнится семнадцать, а твоей будущей жене должно быть сейчас двенадцать.

Я успокоил ее. Конечно же, она не казалась мне слишком старой. Чересчур смысленной, может быть, но является ли это достоинством? Мне иногда кажется, что мы, восточные люди, слишком рано становимся зрелыми, старыми и мудрыми. А с другой стороны, мне кажется, что мы глупы и простодушны. Я не

знал, что думать: меня привели в замешательство деревья, Нино, отблеск костров вдалеке и больше всего я сам. Может быть, я выпил слишком много кахетинского вина и, как степной разбойник, бродил в саду любви. Хотя Нино совсем не казалась жертвой степного разбойника. Она была спокойна и невозмутима. От слез, смеха и магической страсти не осталось и следа. Мне потребовалось больше времени, чтобы прийти в себя.

Мы вернулись к роднику Печапюр. Никто и не заметил нашего отсутствия. Я наполнил стакан родниковой водой и жадно припал к нему горящими губами. Поставив стакан на место, я встретился взглядом с Меликом Нахараряном, который понимающе дружелюбно и немного покровительственно поглядывал на меня.

Глава 7

Я лежал на диване на веранде домика и предавался любовным мечтаниям. История моей любви сильно отличалась от тех, которые мне рассказывали отец, дяди и деда. Она была особенной с самого начала. Нино я встретил не у ручья, когда она наполняла свой кувшин водой, а на Николаевской улице по дороге в школу. На Востоке любовь начинается у журчащего сельского родника или у больших музыкальных фонтанов в городах, где не существует проблем с водой. Девушки каждый вечер отправляются к ручью с большими глиняными кувшинами на плечах. А возле ручья юноши, рассевшись в круг, беседуют о сражениях и разбойниках, не обращая никакого внимания на девушек. Девушки неспешно наполняют кувшины водой и уходят. Кувшины наполнены до краев и давят на плечи. Чтобы не споткнуться, девушки откидывают чадру и скромно опускают глаза. И так каждый вечер: девушки приходят к роднику, юноши рассаживаются на краю площади. Любовь на Востоке зарождается именно так. Иногда одна из девушек случайно поднимает глаза и бросает взгляд на юношей. Те и ухом не ведут. Но когда девушка вновь возвращается, один из них поворачивается и обращает взгляд на небо. Иногда их взгляды встречаются, а иногда и нет. Тогда на следующий вечер его место занимает другой юноша. Стоит взглядам молодых людей у родника встретиться несколько раз, как тут же становится ясно, что зарождается любовь. Остальное идет своим чередом: влюбленный страдалец бродит по окрестностям и распевает печальные песни, в то время как его родня обсуждает калым, а аксакалы уже прикидывают, сколько воинов подарит селу молодая пара. Все довольно просто, каждый шаг

обсуждается и решается заранее.

А как же я? Где затерялся мой родник? Почему лицо Нино не спрятано под чадрой? Удивительно: женщины под чадрой не видно, но ее можно узнать по привычкам, мыслям, желаниям. Чадра скрывает ее глаза, нос, уста. Душа же остается неприкрытой. Душа восточной женщины ясна. Непокрытые чадрой женщины – совсем другие. Их глаза, нос, рот и прочие части тела на виду. Но вам никогда не прочесть мыслей, прячущихся за этими глазами, даже если вам будет казаться, что все предельно ясно. Я люблю Нино, и все же она иногда приводит меня в полное недоумение. Ей нравится, когда на нее заглядываются посторонние мужчины на улице. У приличной восточной девушки такое внимание вызвало бы лишь отвращение. Она целуется со мной. Я могу дотронуться до ее груди и погладить бедра, хотя мы даже не помолвлены. Когда она читает любовные романы, взгляд становится мягким и мечтающим, словно ей чего-то страшно не хватает. А спроси я у нее, чего же она так страстно желает, она лишь изумленно покачает головой – ей и самой неясно чего. Когда мы вместе, мне ничего другого не надо. Я думаю: она часто бывала в России. Отец брал ее с собой в Петербург, а всем известно, какие сумасбродки эти русские женщины. Их взгляд переполняет сильное желание, они часто изменяют мужьям и редко имеют больше двух детей. Вот так Бог наказывает их! Но я люблю Нино. Ее глаза, голос, манеру говорить и выражать свои мысли. Я женюсь на ней, и она, как и все грузинки, несмотря на их веселость, беззаботность или мечтательность, станет примерной женой. Иншаллах.

Я повернулся на бок. Все эти размышления утомили меня. Как приятно было лежать с закрытыми глазами и мечтать о будущем, то есть о Нино. Ибо будущее начнется в день, когда Нино станет моей женой. Какой волнующий момент нам предстоит. Нам запретят видеться друг с другом. Невесте с женихом нельзя видеться в день свадьбы: очень пагубно может сказаться на первой брачной ночи. Мои друзья, вооружившись и оседлав коней, привезут Нино. Она будет укутана в чадру. В этот день на ней должен быть восточный наряд. Мулла станет задавать вопросы, а мои друзья разбредутся по четырем углам зала и будут произносить заклинания против полового бессилия. Этого требуют обычаи, ибо у каждого мужчины есть враги, которые в день свадьбы вынимают из ножен кинжалы, поворачиваются лицом на запад и шепчут: «Аисани, банисани, мамаверли, каниани – у него ничего не получится, ничего не получится, ничего». Слава Аллаху, что у меня хорошие друзья, а Ильяс-бек знает наизусть все спасительные заклинания. Сразу же после церемонии мы расстанемся. Нино уйдет к своим подружкам на девичник, а я – к друзьям на мальчишник. А потом? Что же будет потом?

На минуту я открываю глаза и вижу деревянную веранду и деревья в саду, затем тут же закрываю их, чтобы лучше представить, что же будет потом. Ибо день свадьбы самый важный день, может, даже и единственно важный день жизни. Потому и очень трудный. Не так уж легко проникнуть в спальню молодоженов в первую брачную ночь. У каждой двери вдоль длинного коридора выстраиваются фигуры в масках, и, лишь одарив их монетами, новобрачный может пройти в спальню. Да и в спальне его могут подстергать петух, кот или другие сюрпризы, спрятанные здесь друзьями, опять же из лучших побуждений. Мне придется хорошенько осмотреться. В постель могут подсунуть и какую-нибудь старую каргу, которая будет хихикать и просить денег, чтобы уйти восвояси. Наконец-то я один. Распахивается дверь, и входит Нино. Начинается самая сложная часть церемонии. Нино улыбается и выжидающе смотрит на меня. Тело ее стянуто сафьяновым корсетом, который держится на тесемках, зашнурованных спереди замысловатыми узлами руками специалиста, дабы сбить с толку новобрачного. Мне придется в одиночку расшнуровать все это. Нино не разрешается помогать. Хотя она может и подсобить. Уж очень запутаны эти узлы, и горе и позор на мою голову, если мне придется их резать. На следующий день друзья придут посмотреть на развязанные узелки, и мужчина должен показать, насколько хорошо он владел собой. Горе несчастному, который не сможет показать их. Он превратится в посмешище всего города.

В первую брачную ночь дом напоминает муравейник. Собравшись в коридорах, на крыше, порой даже на улице, друзья, родственники друзей и друзья друзей томятся в ожидании исхода и, если дело затягивается, нервничают. Они начинают стучать в дверь, мяукать и лаять, пока наконец не раздастся долгожданный выстрел. Тут они станут с воодушевлением стрелять в воздух. Собравшиеся выбегают из дома и образуют почетный караул, чтобы выпустить нас с Нино, когда им самим этого захочется. Да, свадьба будет действительно прекрасной. С соблюдением всех старинных обычаев. Так, как диктуют отцовские традиции...

Я, кажется, уснул на диване. Потому что, когда я открыл глаза, мой гочу сидел на корточках на полу и чистил острием кинжала ногти. Как же я не услышал его прихода? Я лениво зевнул и спросил:

– Какие новости, братец?

– Ничего особенного, ага, – скучающе ответил он. – По соседству разругались женщины, да какой-то осел, сорвавшись с привязи, угодил в родник, где до сих пор и сидит.

Гочу засунул кинжал в ножны и равнодушно продолжил:

– Царь решил объявить войну нескольким европейским монархам.

– Что? Какую войну? – Я подскочил и недоуменно уставился на него.

– Да обыкновенную войну.

– Как это обыкновенную? Против кого?

– Против некоторых европейских монархов. Я уже не помню их имен. Уж слишком много их было. Мустафа записал их имена.

– Позови сейчас же Мустафу.

Гочу неодобрительно покачал головой – какое нездоровое любопытство! – затем исчез и вернулся в сопровождении Мустафы.

Мустафа надменно усмехался и вел себя как всезнайка. Конечно же, царь объявил войну. Весь город об этом говорил. Лишь я в это время дремал на веранде. Имейте в виду, что никто точно не знает, почему царь объявил войну. Он принял такое решение, лишь исходя из собственного здравого смысла.

Я уже начал терять терпение:

– Кому же царь объявил войну?

Мустафа выудил из кармана клочок бумаги со своими каракулями. Затем откашлялся и с достоинством стал читать по слогам:

– Немецкому кайзеру и австрийскому императору, королю Баварии, королю Пруссии, королю Саксонии, королю Вюртемберга, королю Венгрии и множеству

других лордов и принцев.

– Я же сказал вам, ага, что всех и не упомнишь, – робко заметил гочу.

Мустафа свернул свой клочок и произнес:

– С другой стороны, его имперское величество халиф и султан Османской империи Мухаммед Рашид, а также его величество шахиншах Ирана султан Ахмед-шах объявили о своем намерении не участвовать в этой войне. Поэтому войну можно считать войной неверных, к которой мы не имеем никакого отношения. Мулла Мухаммед Али думает, что победят немцы.

Мустафе не удалось закончить. Со стороны города стал разноситься колокольный звон семнадцати церквей. Я выбежал. Знойное августовское небо угрожающе и неподвижно висело над городом. Вдалеке, как равнодушные свидетели, высились голубые горы. Колокольный звон ударил по их серым скалам. Улицы кишели людьми. Взмыленные, возбужденные лица были обращены к куполам церквей и мечетей. В воздухе стояла столбом пыль. Люди хрипло переговаривались. Безмолвные и выдавшие виды стены храмов смотрели на нас безжалостным взглядом вечности. Их башни висели над нами немой угрозой. Колокольный звон смолк. Толстый мулла в струящемся разноцветном халате поднялся на минарет рядом с нашим домом. Он рупором поднес ко рту ладони и с гордостью и в то же время печально прокричал: «Идите на намаз, идите на намаз, лучше молиться, чем спать!»

Я вбежал в конюшню. Гочу оседлал мне коня, и я помчался по улицам сквозь испуганную толпу. Уши коня стояли торчком в счастливом ожидании, пока я выезжал из города. Передо мной серпантином извивалась широкая тропинка. Я промчался мимо домов карабахских аристократов.

– Ты уже рвешься в бой, Али-хан? – кричал мне вслед какой-то крестьянин, причисляющий себя к местной знати.

Я посмотрел вниз, на долину. Посреди сада стоял небольшой домик с плоской крышей. Взглянув на него, я напрочь забыл о правилах верховой езды и диким галопом пустился к крутому холму. Дом становился все больше и больше, а за ним исчезли по очереди горы, небо, город, царь и весь мир. Я въехал в сад. Из дома вышел слуга и произнес убитым голосом:

– Князь с семьей покинул дом три часа назад.

Моя рука автоматически схватилась за кинжал. Слуга отошел в сторону:

– Княжна Нино просила передать письмо его сиятельству Али-хану.

Рука потянулась в нагрудный карман. Я сошел с коня, уселся на крыльце веранды и с нетерпением вскрыл мягкий благоухающий конверт. Письмо было написано крупным детским почерком:

Дорогой Али-хан! Неожиданно объявили войну, и нам нужно возвращаться в Баку. У меня не было времени сообщить тебе об этом. Не злись. Я плачу и люблю тебя. Лето выдалось короткое. Поскорее возвращайся и ты. Буду с нетерпением ждать тебя. В пути буду думать лишь о тебе. Папа думает, что война продлится недолго и победят наши. Из-за всей этой суматохи я совсем потеряла голову. Съезди, пожалуйста, на шушинский рынок и купи мне ковер. Я не успела. Пусть будет с узором из маленьких разноцветных конских голов. Целую тебя. В Баку будет ужасно жарко.

Я сложил письмо. Все было в порядке. Лишь я, Али-хан Ширваншир, оседлал как дурак коня, вместо того чтобы отправиться с поздравлениями по поводу начала войны к городскому голове или хотя бы – помолиться в мечети за победу царской армии. Я сидел на крыльце веранды, уставившись вдаль невидящим взглядом. Какой же я был дурак! Что же еще оставалось делать Нино, как не возвращаться с родителями домой и просить меня пораньше приехать? Когда в стране объявлена война, возлюбленная должна быть рядом с любимым, а не строчить надушенные письма. Но войны в стране не было, война была объявлена в России, до которой ни мне, ни Нино не было дела. Но даже и при таком раскладе я был вне себя от ярости – на войну, на старика Кипиани, который так торопился попасть домой, на гимназию Святой Тамары, где девушек не учили правилам поведения, и больше всего на Нино, которая уехала, бросив все, пока я, позабыв о долге и достоинстве, думал, как быстрее добраться до нее. Я вновь и вновь перечитывал письмо. В порыве отчаяния я внезапно вытащил кинжал и, подняв руку, сразу же вонзил клинок в ствол дерева, стоявшего напротив. Слуга вытащил кинжал и, оценивающе рассмотрев его, застенчиво произнес:

– Настоящая кубачинская сталь, и руки у вас сильные.

Я вскочил на коня и медленно поплелся домой. Вдалеке высились своды городских зданий. Злость поутихла. Я ее выплеснул на дерево.

Нино была права: она – примерная дочь и станет такой же примерной женой. Мне было стыдно за свое поведение, и я, склонив голову, плелся дальше, вдыхая дорожную пыль. На западе заходило раскаленное солнце. Я вдруг услышал конское ржание и, подняв голову, остолбенел. На минуту Нино и весь остальной мир покинули мои мысли. Передо мной стоял узкозадый конь с маленькой суживающейся головой, надменным взглядом и ногами как у балерины. Под косыми лучами солнца его кожа отливала золотом. В седле сидел пожилой мужчина с обвисшими усами и большим, с горбинкой носом: хозяин соседского поместья граф Меликов. Так вот о каких знаменитых конях святого Сары-бека мне рассказывали в первый день приезда в Шушу! «Гнедые кони, которых на весь Карабах всего двенадцать голов. За ними ухаживают, как за женами в султанском гареме». Сейчас же это гнедое чудо стояло передо мной.

– Куда вы направляетесь, граф?

– На войну, сынок.

– Что за чудо-конь, граф!

– Да, я вижу, ты восхищен, не так ли? Лишь несколькими довелось увидеть этих гнедых... – Взгляд графа потеплел. – Его сердце весит ровно шесть фунтов. А стоит обдать тело водой, как оно заблестит, подобно золотому кольцу. Этот конь никогда не видел солнечного света. Сегодня, когда я его выводил из конюшни, солнечные лучи засветили ему прямо в глаза, и они засверкали, как пробившийся сквозь скалы родник. Так, наверное, блестели глаза человека, добывшего огонь, при виде первого пламени. Он – потомок коня святого Сары-бека. Я его еще никому не показывал. Граф Меликов садится на свое гнедое чудо, лишь когда царь призывает на войну.

Он с гордостью попрощался и, звеня шашкой, поскакал дальше. Война, несомненно, охватила страну.

Я добрался домой затемно. Сообщение о войне взбудоражило весь город. Местные аристократы, напившись, скакали по городу и стреляли в воздух.

– Прольется кровь! – кричали они. – Кровь прольется! О Карабах, мы прославим твое имя!

Дома меня ждала телеграмма: «Немедленно возвращайся домой. Отец».

– Собери вещи, – приказал я гочу, – завтра мы уезжаем.

Затем я вышел на улицу и стал наблюдать за суетой. Меня беспокоило какое-то необъяснимое тревожное чувство. Подняв голову к небу, я погрузился в долгие и глубокие раздумья.

Глава 8

– Скажи-ка мне, Али-хан, кто наши союзники? – спрашивал гочу, пока мы спускались по крутой извилистой тропе, оставив за собой Шушу.

Этот простой сельский парень был неистощим на самые странные вопросы обо всем, что касалось войны и политики. В нашей стране обычно говорят на три темы: религия, политика и торговля. Война же касается их всех. О войне можно говорить когда и где угодно, причем с равноценной частотой, не боясь при этом исчерпать эту тему.

– Наши союзники, гочу, – это император Японии, император Индии, английский король, сербский король, бельгийский король и президент Французской республики.

Гочу неодобрительно сжал губы:

– Но если президент Французской республики – штатский человек, как он может сражаться и вести войну?

– Может быть, он пошлет генерала.

– Человек должен сам участвовать в войне, а не поручать ее другим, в противном случае за исход нельзя ручаться.

Тревожно взглянув на спину нашего фаэтонщика, он с видом знатока продолжил:

– Царь – невысокий и тощий, а кайзер Гийом – здоровенный и сильный. Он сокрушит царя в первом же бою.

Этот простодушный парень был убежден, что монархи самолично верхом на конях наступают друг на друга и таким образом начинают сражение. Никакие аргументы не могли переубедить его.

– После того как Гийом сокрушит царя, в сражение должен вступить царевич. А он молодой и не блещет здоровьем. У Гийома же шесть дюжих, пышущих здоровьем сыновей.

Я попытался утешить его:

– Гийом может воевать лишь правой рукой, поскольку левая парализована. Да, но левая рука ему нужна лишь для того, чтобы держать поводья. Правая – чтобы сражаться.

От таких глубоких размышлений на лбу гочу прорезались глубокие складки. Вдруг он спросил:

– А правда, что императору Францу-Иосифу сто лет?

– Точно не знаю. Могу только сказать, что он очень старый.

– Ужас, – произнес гочу, – в таком преклонном возрасте человеку приходится седлать коня и обнажать саблю.

– Да нет. Ему не придется этого делать.

– Конечно же придется. Между ним и сербским королем существует кровная вражда. Они теперь кровные враги, и император должен отомстить за пролитую кровь наследного принца. Будь он крестьянином из нашего села, за кровь можно было бы заплатить сотней коров и домом. Но император не сможет забыть кровопролитие. Если бы он забыл, все бы стали так поступать, в итоге исчезла бы кровная месть и погибла бы страна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/said_kurban/ali-i-nino

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)